

Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна

**Трагический зверинец.
Рассказы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л55

Л55   **Лидия Дмитриевна З.**
Трагический зверинец. Рассказы / Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 296 с.

ISBN 978-5-519-86236-3

ISBN 978-5-519-86236-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

МЕДВЪЖАТА.

Посв. Маргаритѣ Васильевнѣ Сабашниковой.

М Е Д В Ъ Ж А Т А .

Мои братья вернулись съ охоты. Убили большую медвѣдицу. Трехъ малыхъ сосунцовъ привезли съ собой за пазухой.

Была еще зима, и медвѣжатъ воспитывали въ большой, теплой нашей кухнѣ, въ подвальномъ этажѣ деревенскаго дома. Помню, какъ въ первый разъ увидала ихъ. Какая-то глубокая корзина. Кто-то наклонилъ ее. Я взглянула. Запахло остро непріятнымъ запахомъ. На днѣ корзины, на соломѣ копошились маленькія, мохнатыя тѣльца. Это были смѣшные медвѣжатки.

Мы, вѣроятно, уѣзжали на остатокъ зимы въ городъ, потому что вторично помню медвѣжатъ уже на свободѣ, выросшими ерасивыми звѣрями съ пушистой, гладкой шкурой, добрыми, чистыми мордами, и веселые глазенки глядѣли съ лукавымъ задоромъ. Ихъ осталось двое: третій околѣлъ еще на соскѣ.

Началось наше радостное деревенское лѣто, наше, съ двумя друзьями моими — медвѣжатами.

Помню солнцемъ залитую, пескомъ усыпанную площадь передъ подъѣздомъ стараго, большого деревяннаго дома; качель — длинную, гибкую доску на двухъ столбикахъ съ обоихъ ея концовъ. Сажу на гнупкой доскѣ посерединѣ, подъ дикимъ, пышнымъ, пахучимъ шиповникомъ; ногой тихонько отталкиваюсь вверхъ, потомъ стараюсь сдѣлаться тяжелою, чтобы пригнуть качель ниже къ землѣ. Доска скрипитъ, покачиваясь, подо мной; медвѣжата, откуда ни возьмись, смѣшными прыжками, съ перевальцемъ на косыхъ широкихъ лапахъ, скачутъ ко мнѣ на знакомый скрипъ.

Примчались, большіе, какъ дворовыя собаки, садятся передо мною на песокъ, на колѣни мои заносятъ переднія лапы; и засунувъ по лапѣ въ добрыя пасти, принимаются, причмокивая и мыча, протяжно сосать.

Я вспоминаю диктовку: «Голодный медвѣдь зимой сосетъ лапу». А вотъ теперь и не зима, а лѣто. И Мишки наши вовсе не голодны, а сосутъ свои бурыя, косматыя, широкія лапы. Наши Мишки овсянки вдосталь ѣдятъ. Они отъ овсянки добрыя. Вотъ одинъ забылъ обо мнѣ, убѣждалъ, увидѣвъ маленькаго такса Кротика. Кротикъ тавкаетъ на Мишку.

Мишка прыгаетъ на кротика. Кротикъ уже въ зубахъ у Мишки, но зубы мягче ласковыхъ моихъ рукъ, и таксъ съ радостнымъ визгомъ вылетаетъ изъ Мишкиной пасти и снова задорно лаеъ, теребя большого, вольнаго друга за пышную бурю шерсть.

Мнѣ завидно. Я тащу своего второго, мнѣ вѣрнаго товарища за лапы. Спрыгиваю со своей доски, и бѣжимъ съ нимъ взапуски. Недолго—и мы возимся въ мягкой, нахучей травѣ. Пахнетъ весенней землею и теплою шкурой, и прямо въ лицо горячее дыханье Мишки смѣшить и радуеъ, а плоскія, твердыя лапы плетаются по мнѣ. Вскакиваемъ, еще бѣжимъ. Мишка на деревѣ, какъ обезьяна; лапы тяжелыя крѣпко нажали на сучъ, а голова глупая и добрая, милая голова Божьяго звѣря свѣсилась внизъ, и блестятъ на меня лукаво-задорные глазенки.

Милая, радостная, солнечная весна! Божій даръ, мои лѣсные товарищи!

Въ четыре часа, послѣ обѣда на большомъ полукругломъ балконѣ съ деревянными бѣлыми колонками, подается чай, кофе и желтыя сливки, тминныя булочки, мягкій сѣрый хлѣбъ изъ своей, сѣверной пшеницы, домашніе, медовые пряники, шипучки, парниковая земляника и, въ подкрѣпленіе ей, смоква и варенье. Вся семья собирается: два брата старшихъ и бывшій ихъ воспитатель, (маленькій братъ

еще съ няней въ дѣтской), гости—товарищи братьевъ, сестра и ея подруга, мама, моя гувернантка, та самая, которая диктовала мнѣ: «Зимой голодный медвѣдь сосетъ лапу».

Вкусные были медовые пряники! Ихъ пекла мастерски жена стараго повара. Пахли медомъ и припеченой мукой. Да, и Мишки такъ думали. У Мишекъ носы еще тоньше различали запахи, нежели у людей. Они, конечно, здѣсь сторожили; взбирались по боковымъ ступенькамъ на балконъ изъ цвѣтника ковроваго, любимца матери; заглядывали къ намъ. На нихъ прикрикивали; они исчезали, и снова смѣшили появленіемъ любопытныхъ глазокъ и принюхивающихся ноздрей.

Но безтолковая молодежь, покончивъ пиръ, безпечно разбредалась по своимъ дѣламъ,—а Мишки, дождавшись своей минуты, уже на столѣ.

«Ай, пряники медовые!»—мать вспомнила. Бѣжить, я за ней. Большіе Мишки негѣпо взгромоздились посерединѣ круглаго семейнаго стола. Уписываютъ пряники. Варенье опрокинули. Обсасываютъ сладкія лапы. Чавкаютъ, прихрапываютъ. Глазенки бѣгаютъ лукаво по сторонамъ.

Насъ примѣтили. Заметались. Тяжелый столъ качается; стаканы, тарелки посыпались во всѣ стороны.

Шлепъ Мишки обѣ полѣ, и только толстые зады съ короткими пушистыми хвостами закачались, улѣпетывая внизъ по ступенькамъ. Мама не обидѣлась.

Мама была кроткая, и любила глупыхъ Мишекъ.

Подвигалось лѣто. Медвѣжата росли не по днямъ, а по часамъ. Стали больше гораздо средней дворовой собаки. Играли съ таксомъ по старому, возились со мною по прежнему, и по неизмѣнному обычаю сторожили, гдѣ что плохо лежитъ сладенькое, но и свою овсянку выхлебывали съ благодарнымъ порявкиваньемъ.

Однако друзья наши безобидные начинали внушать опасеніе приходившимъ на мызу крестьянамъ. Негожею затѣей казались имъ медвѣди — воспитанники помѣщиковъ, и опасливо они косились на нихъ, избѣгали со страхомъ. Потомъ я слышала, какъ брату приходилъ жаловаться старшина; просилъ убрать медвѣдей.

— Не ровенъ часъ и насадеть на кого, сломать. Или скотину тоже... Все-же звѣрь-то лѣсной хоть и на соскѣ воспитывали.

Убрали медвѣдей въ каменный сарай. На запорѣ держали ворота. Мишки ревѣли тоскливо, просились на волю, на солнышко, къ друзьямъ... Я ходила какъ потерянная, капризничала, грубила воспитательницѣ, плакала...

Собрался семейный совѣтъ, и лѣсничій, рѣшать послѣднюю судьбу медвѣжатъ. Лѣто переламывалось на вторую половину. Къ осени медвѣжата станутъ вполне медвѣдями. Воли имъ давать ужъ нельзя. Въ сараѣ взаперти держать тоже нѣтъ смысла. И кормить придется уже мясомъ.

— Пристрѣлить?—предложилъ лѣсничій.

Я завyla изъ угла большого, стараго дивана, куда забилась незамѣченная. Старшій братъ заколебался.

— Разумно... Это, конечно, разумно... И можно безъ мученій...

Второй братъ, Дикій Охотникъ, какъ его прозвали семейные за любовь къ одинокимъ лѣснымъ привлеченіямъ, не согласился...

— Мы къ нимъ привыкли, мы ихъ растили. На соскѣ вспоены. Рука на нихъ не подыметъ!

Я выла прерывнымъ воемъ, прислушиваясь. Сестра прослезилась:

— Мамочка, придумай!

— Въ лѣсъ выпустить!—сказала мать.

Я прекратила громкій вой и закрыла ротъ. Всѣ помолчали. Старшій братъ пожалъ плечами. Лѣсничій возразилъ:

— Все-же неловко. Все-же дикій звѣрь: коровъ ломаетъ.

Я его ненавижу. Мои Мишки не «дикій звѣрь».

— Неловко! — подтвердилъ старшій братъ; но неувѣренно.

Сестра глядѣла на мать умоляющими влажными глазами. Я приготовилась выть. Уже раскрыла ротъ. Но Дикій Охотникъ сказалъ запальчиво:

— Мама права. Такъ надо сдѣлать. Завести въ лѣсъ. Мы не имѣемъ права стрѣлять медвѣжатъ.

И мать спѣшно прибавила:

— Мы ихъ взяли изъ лѣсу. Не взяли-бы, они все равно тамъ-бы теперь бѣгали.

Старшему брату хотѣлось согласиться, и онъ согласился. Лѣсничій былъ побѣжденъ, и всѣ стали обсуждать, какъ приняться за освобожденіе Мишекъ. Рѣшили такъ: посадить ихъ въ большіе заколоченные ящики и свезти въ лѣсъ за Чортово Болото. Это далеко и дико. Сваливъ въ лѣсу ящики, поотбить гвозди и ускакать. Пока Мишки станутъ справляться съ досками, чтобы выволчиться, далеко уже будетъ телѣга. Дороги не найти имъ ввѣкъ. А тамъ, на волѣ въ дремучемъ бору, они одичаютъ...

Засмѣялся Дикій Охотникъ:

— Потомъ уже мнѣ не попадайся. Не узнаемъ другъ друга. Застрѣлю!

Свезли.

Такъ страшна была минута, когда рѣшалась ихъ судьба, и, послѣ отчаянья, такую острою

радостью явилась надежда на волю имъ и жизнь, что я забыла скучать по увезеннымъ товарищамъ. Не до того ужъ было. Пронеслось что-то страшное близко надъ душой, и душа приникла.

Не знаю, сколько дней прошло. Можетъ быть, всего одинъ, или два, не больше, и узналась послѣдняя злая вѣсть. Не помню, какъ узналась, гдѣ, въ какихъ словахъ. Всѣ слова слились въ одно слово, въ одно чувство, вѣрнѣе, потому что назвать его словомъ, обозначить сумѣла лишь гораздо позднѣе. Предательство. Кто-то кого-то предалъ. Какая-то любовь, какое-то радостное дѣтское, нѣтъ, проще даже, звѣриное довѣріе — было предано... предано.

За Чортовымъ Болотомъ мужики и бабы косили среди лѣса на полянѣ. Увидѣли: вдругъ бѣгутъ прямо на нихъ изъ лѣсу два медвѣдя. Со страху медвѣдями показались. Мужики и бабы испугались и встрѣтили медвѣжатъ косами...

Медвѣжата съ любовью къ людямъ бѣжали, къ друзьямъ на милые голоса, веселились задорно лукавые глазки, переваливались смѣшно на косыхъ сильныхъ лапахъ широкіе зады. *Такъ* я ихъ видѣла.

Встрѣтили мужики, испугавшись, медвѣжатъ косами. Изрубили. Одного еще живого изловили. Въ царскій паркъ повезли продавать, на